

Ю

На правах рукописи

Костина Ольга Викторовна

ОНТОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ

Специальность 09.00.01 - онтология и теория познания
по философским наукам

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

*ч.
Костина?*

Саратов 2005 г.

Работа выполнена в Саратовском государственном университете

Научный консультант:

доктор философских наук, профессор Мокин Борис Иванович

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор Савчук Валерий Владимирович

доктор философских наук, профессор Омельченко Николай Викторович

доктор философских наук, профессор Шеховцев Андрей Юрьевич

Ведущая организация:

Казанский государственный университет культуры и искусств

Защита состоится « 25 » февраля 2005 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.243.09 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского (410071, Саратов, ул. Астраханская, 83, корпус 9, ауд. 406).

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале №3 Научной библиотеки Саратовского государственного университета

Автореферат разослан « 12 фев. »

2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

В.П. Барышков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Серьезный интерес к онтологическому измерению коммуникации обусловлен рядом взаимодополнительных обстоятельств.

Процессы коммуникации стали формой выражения культуры. Сфера коммуникаций создает собственную среду, с которой имеет дело человек. Различные ситуации образуют сложный символический текст современной культуры, в котором коммуникативное средство и есть сообщение, конституирующее жизненный мир человека.

Смысловая нагрузка в современной культуре приходится на связи, отношения, взаимодействия, когда со-существующие элементы реальности определяют себя перед лицом Другого, в потоке социальных значений. Становление этой гибкой и подвижной реальности со-общительно по своей природе. Полилокальное состояние мира свидетельствует об изменении самой основы современного порядка, его мозаичная основа представляет собой ткань, переплетение разных элементов культуры, которые не могут быть сведены к единой основе. Вот почему исследования в этом направлении представляют собой анализ коммуникации как фундаментального принципа организации современности в условиях распадающихся монолитов смысла.

В этих условиях коммуникация приобрела другой статус: из подручного средства она трансформировалась в способы существования человека, культуры, истории. Онтология задает особый ракурс рассмотрения темы, ведь в отличие от других разделов философского знания, она ставит вопрос не о наличных формах бытия, а о глубинных его законах и принципах, смыслах существования, целостных и символических окружениях. Кроме того, онтология проблематизирует смыслы коммуникации, показывая ее затрудненный и парадоксальный характер в неклассической версии культуры. Это делает возможным прописывание возможностей коммуникации, наполнение этого концепта новыми смыслами, его фундаментальную проработку.

Если современный мир - это мир спектакля (Ги Дебор), чистой коммуникации (П. Вирилио), прозрачного общества (Дж. Ваттимо), бесконечного самовоспроизводства знаков (Ж. Бодрийяр), беспорядочного энциклопедизма (М. Серр), то возникает вопрос можно ли вести речь о какой-либо *онтологии* в радикально смещенном относительно себя мире? Ведь истоками такого положения дел является утрата единства мира. Например, Ж. Деррида полагает, что всякая онтология предполагает эффект каталогизации, присвоения, отождествления и верификации. У. Эко считает, что создание всевозможных универсалий рождает путаницу, недопустимую в теории коммуникации. Последняя структура — это фикция. Эффективным, по У. Эко, может быть только операционалистский подход, который не смешивает разные уровни исследования. Ж.-Ф. Лиотар критикует практику метанарративов, дающую обобщенный образ действи-

тельности. Современность представлена тканевым переплетением разных реальностей, напряжением их сосуществования и рефлексии. В выявляющихся контурах философии в конце XX века можно предварительно вести речь о *множестве онтологий*, каждая из которых описывает *собственные* возможности, демонстрирует собственную логику существования, действуя не от имени ведущей инстанции, но от имени той реальности, которая призвана к существованию. Современная онтология формируется интересубъективной проблематикой, обживает сингулярные зоны философии и культуры, реабилитирует архаические смыслы. И в этом контексте исследование онтологии коммуникации является возможным и необходимым.

Подобная картина мира выявляет изменения в фундаментальных ориентациях человека и культуры - пространства и времени. Пространство растворяет в себе время, а время приобретает пространственные характеристики, давая доступ к интересубъективной проблематике изменчивой и сложной реальности. Пространство фиксирует разнообразие ориентации опыта в культуре. Мир современной культуры - это мир распадающихся порядков, разрушенных тождеств, локальных миров. Пространственный акцент на различиях формирует представление об особом напряженном состоянии мира и культуры, которые держатся силой разных индивидуальных логик бытия. Подобными характеристиками наделяется тип рубежной культуры, который сохраняет перенапряженность собственной структуры.

Противоречивое содержание современной жизни выявляет ее неискоренимую *многомерность*, ее невозможно «втянуть» в одно измерение экзистенции, она выступает напряженным со-существованием разных мест, локальных смыслов и ситуаций. С точки зрения сохранения гетерогенного объекта, пространство является возможностью *не выводить бытие из предшествующих структур*, а обозначить существование как *эсть*, определенность, местность, уникальность, телесность, конкретность. В этом смысле культивируется не агрессивная логика снятия, воплощения, сведения, редукции к чему-либо, а логика сохранения, удержания, просвета. Простые маятниковые качания от единства - к множеству, от религии - к науке, от хаоса - к порядку в русле прежних бинарных оппозиций не дают разностороннего анализа современной картины действительности. Существование в таком мире требует усилий, мужества, постоянной рефлексии, а, главное, доверия, поскольку коммуникация имеет дело с неопределенными до конца возможностями.

Вышеизложенное позволяет предположить, что традиционные модели коммуникации, построенные по принципу информационного, однонаправленного передаточного процесса, включающего стандартные элементы в виде цепочки: коммуникатор, сообщение, канал, получатель, последствия, не схватывают сложности представленных реалий. Подобные кибернетические схемы упрощают понимание действительности, не раскрывая всей гибкости взаимодействующих слоев реальности, значительно сужая возможности онтологического исследования коммуникации, ограничиваясь ее технологическими параметрами.

Невнимание отечественных исследователей к философским проблемам коммуникации в прошлом объясняется, с одной стороны, интересом к этой теме со стороны экзистенциализма и персонализма, считавшимися в отечественной науке идеалистическими учениями, которые мистифицируют реальное содержание процессов, с другой стороны, противопоставлением коммуникации как безличного информационного обмена общению - творчеству и личностному взаимодействию.

Следует отметить и еще одно важное обстоятельство: процессы коммуникации нередко понимаются исключительно в пределах точечного, личного и межличностного общения, диалога, разговора. Онтология коммуникации снижает эти жесткие ограничения. В ее предметное поле включаются как *индивидуальности* (в узком и расширенном смысле), без которых невозможны этическое и эстетическое измерения коммуникации, так и *исторические пространства* взаимодействия, активности, пересечений. При анализе современных проблем коммуникации нужно учитывать не столько пространство непосредственного общения, межсубъектного взаимодействия, задающих определенные параметры ее исследования, сколько источники, выходящие за пределы индивидуальных логик. Новая проблематика бытия указывает на исчерпанность логики вещей, она связана с логикой взаимодействий, дальностей, с теорией полифонической, полисубъектной социальности, конкретным отношением человека к не-своему-другому¹. В этом отношении принцип коммуникации шире содержания межчеловеческих отношений, он является одним из универсальных философских принципов осмысления бытия".

Вот почему представляется недостаточным для изучения коммуникации использование и сугубо лингвистических моделей, которые традиционно опираются на системно-структурное основание и примыкают к информационно-кодовой парадигме: коммуникация контекстуальна, она имеет дело не с абстрактными правилами языка, а с речевыми ситуациями и событиями, социальной средой, взаимодействием, личным «можествованием» человека. Такая коммуникация шире чистого языкового сообщения, она «цепляет» фоновые смыслы, улавливает *экстралингвистические* моменты сообщения, имеет в виду нетематизированное многообразие смыслов, ведь всегда в мире имеется больше, чем это может быть представлено в конкретной ситуации коммуникации.

Примером такой коммуникации может быть *эстетическая* коммуникация, которая облекает сложные, глубинные формы отношения человека и мира в выразительные, эмоциональные образные конструкты, не механически отражающие действительность, а являющие собой живую событийность мира в творении человека. Искусство - онтологическая возможность встречи с неведомым. Как считает один из отечественных исследователей: «Его невероятное присутствие, однако, ощутимо увеличивает нашу свободу. Его весть раздвигает простор мира. Его слово не средство, а среда, в которой движутся словесные и

¹ См.: Кемеров В.Е. Концепция радикальной социальности. // Вопр. философии. 1999. №7. С.2-13.

² См.: Невважай И.Д. Принцип коммуникации в контексте фундаментализма и реализма.//Философская и правовая мысль. Вып.3. Саратов, 2002. С.121.

неопределимые словом существа»³. Образное сообщение - косвенное, непреднамеренное, оно не может быть чисто служебным, ангажированным предприятием, поскольку обладает автономностью, связано с другими культурными мирами и являет собой всегда избыток личного видения и действенности.

В эстетических и этических характеристиках коммуникация действительно вступает в онтологическое измерение, органично осуществляя себя не в точной передаче сообщения, а в пространстве взаимодействия мира, человека, творения, истории, традиции. Поэтому в данном диссертационном исследовании речь идет не конкретных коммуникативных актах, а о перспективах, предельных возможностях, условиях существования коммуникации в современном мире.

Современный порядок представляет собой нестабильное и изменчивое пространство, где со-существуют и обращены друг к другу, скорее, не вещи, а сингулярности с их процессуальностью, динамикой, незавершенностью, ускользанием от жестких причинно-следственных связей. Здесь обнаруживаются такие смыслы неклассической коммуникации как парадоксальность (удерживание невозможного), предельность (между возможностью и невозможностью сообщения), опора на контекст (дающий непредсказуемые эффекты нового и изобилие ориентации) и включение в поле действия всех возможностей коммуникации в совместном культурном пространстве.

Онтология коммуникации описывает возможности *смыслового* обогащения бытия. Ведь передавать, по Ж. Батаю, стоит только непередаваемое. Вот почему тема коммуникации в онтологическом измерении - это проблема *прироста бытия*, анализ его возможностей в мире повышенной динамики, сложности и разобщенности, открытие новых измерений и пространств.

Степень разработанности проблемы. Сложность анализа исследовательской литературы по коммуникации связана с тем, что этот феномен буквально распылен по разным областям общественных наук: психологии, философии, социологии, антропологии, педагогики, культурологии. Коммуникация является рабочим инструментарием в лингвистике, журналистике, риторике, семиотике, информатике, теории масс-медиа и массовой коммуникации. Сформирована новая наука коммуникативистика, которая преимущественное внимание уделяет новейшим стадиям в развитии информационных связей и систем в свете электронно-коммуникативной революции⁴. Издана энциклопедия по коммуникации, где коммуникация берется в широком контексте всех возможных способов и каналов, посредством которых информация обращается на индивидуальном, групповом, национальном и поколенческом уровнях⁵. Таким образом, несмотря на представленное разнообразие феноменов коммуникации, ее исследование не подкрепляется соответствующей философской рефлексией,

³ Бибихин В.В. Язык философии. М., 1993. С.32.

⁴ Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. Толковый словарь. М., 1999. С.88-89.

⁵ International Encyclopedia of Communication. Oxford. 1989.

одиначны усилия по созданию метатеории коммуникации и продумыванию ее фундаментальных основ.

В связи с обозначенной ситуацией в корпус исследовательской литературы по теме мы включаем, прежде всего, литературу, которая отражает исследование онтологических аспектов коммуникации, проецируя их затем на разные сферы гуманитарного знания.

Условным образом всю многообразную литературу по теме можно разделить на три блока. Первый представлен литературой преимущественно по онтологической проблематике коммуникации. Второй - раскрывает отдельные аспекты темы в связи с проблематикой общения, языка, культурной и социальной коммуникации. Третий - вводит информационное и информационно-цивилизационное измерение коммуникации.

Первый блок представляет круг источников, нацеленных на выявление *онтологических параметров коммуникации*. В центре внимания оказываются, прежде всего, экзистенциально ориентированные тексты, поскольку именно для этого направления проблема существования коммуникации стояла особенно остро. Классика этого направления представлена работами С. Кьеркегора, К. Ясперса, О. Больнова, М. Бубера, М. Хайдеггера и других исследователей. Здесь дана *проблематизация* этой области, раскрыта фундаментальная роль коммуникации в ее связи с трансценденцией, рисками индивидуального существования, испытания Другим. Также необходимо указать на работы персоналистов, которые рассматривали общительную цивилизацию как возможность коммуникаций сознаний, взаимопонимания, подлинной личности в контексте общего вовлечения человека в мир (Э. Мунье и другие)..

Существенными для исследований этой ориентации являются работы, раскрывающие суть и онтологические условия коммуникации в герменевтической парадигме Г.Г. Гадамера, П. Рикера и в онто-феноменологической перспективе - работы Э. Гуссерля, Э. Левинаса, М. Мерло-Понти, Г.Г. Шпета, Б. Вальденфельса. Идеи конститутивного характера опыта сущего и возможностей его прироста, горизонта, интересубъективности, исследование языка как универсальной среды существования человека, выявление особенностей коммуникации как пространства истории, традиции, этики существенным образом повлияли на развитие содержания исследования. В постмодернистской перспективе эту проблематику раскрывают работы Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Батая, Ж. Деррида, Ж. Делеза. Характеристики неклассической коммуникации определяются в пространстве текста и его трансформаций, предельного опыта, «сильного сообщения», коммуницирования события, где онтология коммуникации обобщается коммуникативной онтологией.

Примыкают к этому кругу исследований работы, выявляющие важность коммуникации в социальном измерении. Здесь можно выделить классические работы К.-О. Апеля (идеальное языковое коммуникативное сообщество), Ю. Хабермаса (этика дискурса), Н. Лумана (системная теория коммуникации), которые находят и анализируют источники смыслов социума в коммуникации и тяготеющие к современной философской традиции исследования П. Бурдьё, З.

Баумана, Н. Элиаса, которые направлены на изучение динамики, процессуальности, ресурсного измерения полей коммуникативных взаимодействий. Отмечаем и современные концепции *социальности*, формулируемые в работах В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова, С.А. Азаренко, Ю.Л. Качанова, Ж.-Л. Нанси, М. Бланшо и других авторов. Работы этих исследователей, вводят гетерологическое и топологическое измерения современной культуры и философии в рамках взаимодействия и событийности, лежащих в самой сердцевине понимания бытия.

Отдельно можно указать на исследования саратовских ученых, которые выявляют онтологические основания социального, духовного, жизненного пространства человека и культуры. Это работы Я.Ф. Аскина, В.Н. Ярской, В.Б. Устьянцева, В.П. Рожкова, В.П. Барышкова И.М. Гуткиной, Е.Р. Ярской-Смирновой и других.

Особняком стоит творчество М. Бахтина, который находится как бы на стыке между классической и неклассической философией. Его идея событийности коммуникации, внутренней амбивалентности бытия, в конечном итоге, сама смысловая атмосфера творчества, удерживающая сложность этой проблемы являются важными источниками рефлексии проблем коммуникации. Работы М. Бахтина относятся к исследованиям экстралингвистического плана, в них анализируются условия возможности бесконечной коммуникации с другим.

Важный материал почерпнут из работ современных отечественных и зарубежных исследователей, которые рассматривали различные аспекты онтологии коммуникации в истории: М. Фуко, П. Рикера, Е. Трубиной, Ф.Р. Анкерсмита, Б.Г. Соколова, в культуре: М. Маклюэна, Ж. Бодрийяра, П. Слотердайка, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотара, Б.В. Маркова, Ю.И. Мирошникова, Б.А. Параконьского; в искусстве: В. Беньямина, В.В. Савчука, С.Л. Кропотова, Н.Б. Маньковской, Е. Деготь, Х.Р. Зеппа, Д. Диди-Юбермана и других исследователей.

Итогом исследований коммуникации в этом ключе стало понимание коммуникации как глубокого механизма культурного бытия, описание «избыточности» коммуникации, которая не ограничивается языковыми, информационными, межличностными связями. Пространство коммуникации тяготеет не к процедурам отождествления действительности, но к выявлению ее собственных динамических сил. Онтология коммуникации связана с повышенной чувствительностью современной культуры к проблемам смыслообразования и текстообразования. Точная передача превращается всегда в раскрытие дополнительных возможностей бытия, трансформируется в новое со-общение. Наконец, эстетическое измерение коммуникации является наиболее перспективным местом для раскрытия особенностей неклассической коммуникации.

Необходимо также указать на работы, связанные с анализом общих проблем онтологии в историко-философских контекстах - А.Ф. Лосева, А.Л. Доброхотова, М.К. Мамардашвили, П.П. Гайденко, Т.Б. Длугач, А.В. Ахутина, Т.В. Щитцовой, В.В. Бибикина, Г.Л. Тульчинского, В.П. Визгина, А.П. Огурцова, В.И. Молчанова, Н.С. Автономовой, Т.Б. Длугач, В.А. Фриауфа, В.Н. Гасилина, Б.И. Мокина, А.С. Боршова, Ю.М. Дуплинской, В.А. Конева, Н.В. Омельченко,

И.Д. Невважая, Л.И. Тетюева, и других авторов, работы которых послужили базой для развертывания авторских интенций.

Исследование коммуникативных порядков в разных историко-философских традициях потребовало обращения к текстам античной философии (Аристотель, Платон, Плотин), к источникам русской философии (В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков), к современным философским работам и авторам, их интерпретирующим. Для формирования авторской позиции в направлении изучения особенностей русской философии в контексте исследуемой темы важную роль сыграла идея В.В. Бычкова о софийных основаниях русской духовной культуры.

Второй блок работ по теме исследования связан с проблемами лингвистики, семиотики, общения, антропологии. Выделяя это направление исследований коммуникации, мы следовали за отечественным лингвистом Р. Якобсоном, который считал, что теория коммуникации должна складываться из исследования речевых сообщений (лингвистика), коммуникаций посредством всех типов сообщений (семиотика) и общей науки коммуникации, которая включала в себя социальную антропологию, социологию, экономику.

Характеризуя круг источников, посвященный проблемам общения, необходимо отметить, что существует как сближение областей общения и коммуникации (К. Ясперс), так и жесткое их противопоставление (М.С. Каган). Рефлексия самой этой оппозиции в целом более характерна для отечественной персоналистской традиции, для западной науки эти термины оказываются взаимозаменяемыми. Нам представляется, что фундаментальные характеристики коммуникации должны опираться как на особенности конструкта общения, так и на возможности конституированного коммуникативного пространства.

Кроме классических разработок в этом направлении (К. Ясперс, М. Бубер, М. Бахтин) значимыми для нас являются исследования Г.С. Батищева, который исследует общение в глубинном, а не прикладном или функциональном смысле, В.С. Библера, анализирующего диалогическую логику культур в рамках общения, а не обобщения, А.П. Огурцова, обращающегося к возможностям диалогической философии, А.В. Резаева, который исследовал парадигмы общения как социального феномена, раскрывающего механизмы организации человеческого общества. Укажем на размышления отдельных отечественных ученых, которые полагают, что вторая половина XX века выявила недостаточность понятия «диалог» для осмысления полифоничности культуры (А.П. Огурцов).

В целом можно констатировать, что исследовательские интересы ученых смещаются от изучения утилитарных и технико-прикладных аспектов общения к экзистенциальному и экзистенциально-гуманистическому содержанию коммуникации и общения. Общение при этом выступает той смысловой основой, которая признает первичность взаимодействия, невозможность редукции и обобщения. Введение историчности, индивидуальности, событийности расширяет рамки межличностного общения и ставит общение в онтологическую плоскость, переводя его в коммуникативное измерение.

Лингвистическая модель Р. Якобсона, на базе которой сформировалась современная социалингвистика, учитывает не только систему языка, но и пользователя языка. Коммуникация - это не односторонний процесс передачи информации, а взаимодействие агентов, социальной среды; коммуникация адресна и всегда имеет контекст (М. Бахтин). Современные лингвистические теории все больше обращаются к непрямой коммуникации, которые являются содержательно осложненными и включают смыслы, которые напрямую отсутствуют в ситуации высказывания (В.В. Дементьев). Исследователи выходят за рамки структурной модели языка, поскольку онтологическая сущность общения не сводится к языку, а включает в себя всю сложность коммуникативного взаимодействия, культурно-социального опыта человека (А. Вежицкая, Н.Д. Арутюнова, Н.И. Жинкин, И.Н. Горелов, В.Б. Кашкин, А.В. Кравченко, А.А. Залевская, И.Э. Клюканов). Концепция речевых актов имеет в виду не только языковую, но и внеязыковую деятельность, человек не только посредством слов сообщает, но и совершает нечто (Д. Остин, Д. Серль и другие). При этом мы не исключаем роль языка как коллективной памяти, универсальной среды, предприятия, превышающего в истории человеческие возможности. Сюда же можно отнести исследования, анализирующие дискурсивные практики коммуникации, которые понимают под дискурсом сложные коммуникативные явления, включающие текст и экстралингвистические факторы (Т.А. ван Дейк, А.Ж. Греймас, Ж. Курте и другие).

Значимы для нас работы зарубежных и отечественных исследователей, анализирующих особенности художественного текста в целом: Ц. Тодорова, Я. Славинского, А. Зализняк, Р. Якобсона, Я. Мукаржовского, Ч.С. Пирса, М. Бела, Н. Брайсена, У.Эко, Р. Барта, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, И.И. Докучаева. В них оцениваются избыточность эстетического текста, его направленность на самого себя, источники интерпретативного богатства художественного произведения.

Общая ориентация этих исследований - семиотическая. При всех преимуществах этого подхода (многоуровневый анализ текста, конкретность исследований, изучение коммуникации как знакового пространства культуры) эти работы ориентированы на информационную модель коммуникации, которая значительно сужает и обедняет содержание исследования темы онтологии коммуникации. В дополнение к перечисленным работам укажем на использованные интуитивистские, онто-феноменологические, постмодернистские подходы, которые выявляют возможности образа как глубинного концепта коммуникации в обозначенной перспективе: работы А. Бергсона, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Г. Башляра, Ж. Бодрийера, М. Бланшо, Г.Г. Шпета, А.Ф. Лосева, П. Флоренского.

Антропологические исследования К. Леви-Стросса, Э. Линча, М. Мосса ввели в проблемное поле исследования темы ковариантности языковых и социальных структур, трансформативной избыточности, архаического обмена, символизма опыта. Социологическое измерение коммуникации представлено работами В.П. Конецкой, М.М. Назаровым, Г. Лассвелом, Н. Постманом и другими

исследованиями. Понимание коммуникации как социально обусловленного процесса в условиях межличностного и массового общения ориентировало в зоне изучения разных моделей коммуникации, особенностей типов сообщения, ее эффективности. Отдельно в этой сфере мы указываем на теорию конфликтности коммуникации. Она представлена работами Р. Дарендорфа, Л. Козера, Ш. Эйзенштадта, А.Г. Здравомыслова, А.В. Дмитриева, обосновывающими позитивные функции конфликта, который фокусирует особое состояние напряженности бытия.

В третьем блоке работ анализируются проблемы коммуникации в информационном ключе, сюда же относятся работы, посвященные общим проблемам информационной культуры. Это исследования К. Шеннона, К. Черри, Н. Винера, Ч.Р. Эшби, У. Матураны, А. Моля, А.Д. Урсула, Ю.А. Шрейдера, М. Кастельса, А.П. Назаретяна. Также информационные аспекты познания и коммуникации рассматривались Р.Ф. Абдеевым, В.С. Степиным, А.С. Борщовым, А.Ю. Шеховцевым и другими исследователями. По-видимому, представления о коммуникации как об информационном процессе нуждаются в дополнительных описаниях со стороны онтологии коммуникации.

В целом, нужно признать, что несмотря на разнообразие источников, посвященных исследованию фундаментальных основ коммуникации, целостных, комплексных работ, исследующих эту тему, практически нет, чаще приходится «вычитывать» эту проблематику из более высоких контекстов. Это связано, на наш взгляд, с многомерностью самого феномена коммуникации в философии, его задействованностью в разных смысловых областях культуры - отсюда настоятельная потребность в рефлексии, создании разных концептуальных пространных, адекватных его сложности.

Онтология в этом контексте предполагает уход от привычных моделей осмысления коммуникации - чисто кибернетических, семиотических, психологических, языковых - и дает выход в сторону целостного, теоретического осмысления предельных *возможностей* коммуникации, а не ее *технологий*.

Методологические основания работы. Аристотелевская идея индивидуальности бытия помогла сформировать первоначальное проблемное поле «онтологии коммуникации». С одной стороны, акт коммуникации каждый раз есть конкретное событие, которому невозможно дать определение. Уникальность бытия коммуникации «закладывает» основы онтологического понимания коммуникации: ведь определить и передать индивидуальное событие проблематично. С другой стороны, только тогда можно говорить об онтологии коммуникации в прямом смысле, когда мы будем исследовать предельные возможности коммуникации, обращаться к ее основаниям. Сегодня мир представляет собой множество сингулярностей, связи между которыми выстраиваются отнюдь не в субстанциональном режиме (нет всеобщей основы), поэтому проблема коммуникации как никогда актуальна. Эта уникальность, взятая в гетерологическом и топологическом измерениях бытия, заставляет обратиться к *онтофеноменологическому* методу исследования. Мы полагаем недостаточным трансцендентальную трактовку коммуникации в феноменологии: привлечение

этого материала связано с тем обстоятельством, что феноменология сама рефлексирует собственные границы. Фундаментальная онтология М. Хайдеггера, этика Э. Левинаса, философия поступка М. Бахтина, респонсивная феноменология Б. Вальденфельса, деконструктивизм Ж. Деррида, философия Ж.-Л. Нанси выявили основные режимы существования коммуникации в рамках современной философии. Дополнительные возможности для гетерологии содержатся в разработках П. Флоренского, Ж. Батая, Т. Керимова, Ж. Делеза, Э. Левинаса. Топологическое измерение коммуникации представлено работами М. Фуко, Ж. Жанетт, Ж.-Л. Нанси, С.А. Азаренко, В.В. Савчука, других исследователей. Гетерология фиксирует несводимую сложность бытия, а топология - ее сохранение.

Для понимания источников коммуникативности бытия привлекались идеи Э. Гуссерля (бесконечный горизонт и невозможность всеобщей тематизации мира), М.М. Бахтина («прибыльность» коммуникации), М. Хайдеггера (двусмысленность бытия, событие у позднего Хайдеггера), Ж.-Л. Нанси (исходная совместность бытия), Н. Лумана (эмерджентная реальность), Ю.М. Лотмана (культура как символическое пространство, аккумулирующее в особых точках смыслы), П. Бурдьё, Н. Элиаса (идея социального пространства взаимодействий), Ж. Деррида (движение знака) Ж. Батая (трансгрессия в драматическом ключе). Мы обращались к работам, в которых, так или иначе, отражались асимметричные отношения с Другим, начиная с идеи Канта о возвышенном.

Для углубления представления об эстетическом и этическом опыте коммуникации важными оказались следующие идеи: экзистенциального сообщения (С. Кьеркегор), проблемности этики как способа выражения (Л. Витгенштейн), идеи ауры художественного произведения (В. Беньямин), этического поступка, объединяющего мир культуры и мир жизни (М. Бахтин), творения, удерживающего мир (М. Хайдеггер), герменевтики художественного произведения (Г.-Г. Гадамер).

Разработка модели неклассической коммуникации, связанной с пространством истории и традиции, потребовала обращения к соответствующим генеалогическим проектам Ф. Шлегеля, К. Ясперса, Ф. Ницше, Э. Гуссерля, М. Фуко, О.М. Фрейденаберг, и их интерпретациям в философии В.П. Визгина, Б.В. Маркова, А. Маргуна, Поля де Мана и других отечественных и зарубежных исследователей.

Объект исследования. Объектом исследования являются многообразные практики человека, рассматриваемые в онтологическом измерении.

Предмет исследования. Предметом исследования является коммуникация как возможность бытия человека, сохраняющего свои гетерологические и топологические характеристики.

Цель и основные задачи исследования. Целью настоящего диссертационного исследования является анализ предельных оснований коммуникации. Смысловый вектор работы направлен на исследование условий возможности коммуникации. Эта цель может быть конкретизирована следующими задачами:

1. Выявить онтологическое измерение коммуникации.
2. Исследовать основные модели коммуникации в русской и западноевропейской философии.
3. Определить основные параметры коммуникации в неклассической философии.
4. Раскрыть значение образа в эстетической коммуникации.
5. Рассмотреть особенности этической коммуникации.
6. Проанализировать коммуникативную суть пространства традиции.

Научная новизна работы определяется, прежде всего, тем, что коммуникация исследована в ее фундаментальном, онтологическом измерении.

1. Изучен и обоснован онтологический подход в исследовании коммуникации, который предполагает гетерогенные и топологические характеристики бытия.

2. Указано, что возможность онтологии коммуникации возникает в ситуации распада субстанциальных абсолютов, когда становятся возможны чисто различительные отношения «я и другого», фундаментальным принципом обоснования которой является феномен доверия.

3. Выявлены типы коммуникативных порядков в пространстве русской и западноевропейской философии.

4. Определена классическая модель коммуникации, которая построена на многообразных связях тождества в условиях античной мифориторической культуры.

5. Проанализированы особенности коммуникативной модели на материале русской софиологии.

6. Показано, что модель неклассической коммуникации есть модель нелинейного типа, которая отличается по своим характеристикам от изначального смысла койнонии как согласия.

7. Установлено, что условием существования неклассического порядка являются фундаментальные изменения в бытии сущего, которые отражены в нарастающих топологических характеристиках бытия.

8. Обосновано, что эстетическая коммуникация преобладает в неклассическом типе коммуникации. Здесь особое значение приобретает образ.

9. Исследована специфика этического сообщения в современной модели коммуникации. Выявлено, что единство этического и эстетического является условием события коммуникации.

Положения, выносимые на защиту. С учетом общетеоретических результатов и новизны исследования на защиту выносятся следующие основные положения:

1. Теоретико-методологическим обоснованием исследования онтологии коммуникации является принцип конкретности бытия, который предполагает, с одной стороны, мир определенных регионов человеческого бытия, конституируемых из собственных мест существования, с другой стороны, сингулярность бытия, имеющего событийную основу.

2. Онтологическое измерение коммуникации предполагает рассмотрение опыта бытия в его гетерогенных и топологических характеристиках. Гетерогенность представляет собой качественную множественность бытия, а топология является условием воспроизводства гетерогенного состояния. В этом смысле оправдан онтологический подход в рамках неклассической коммуникации. Коммуникация - это не передающее устройство, а реальность человеческого бытия, смыслообразующий фактор человека, культуры, истории.

3. Логика движения коммуникативных порядков - логика гетерогенности бытия, фундаментальным принципом обоснования которого является феномен доверия, оказывающийся особенно актуальным в условиях полной неопределимости бытия, несоизмеримости разных порядков.

4. Классическая коммуникация в рамках традиционного порядка обращена к непрерывности, последовательности воспроизводства образца. Это коммуникация линейного типа, связанная с отражательной сущностью бытия в конкретных условиях мифориторической культуры античности.

5. Неклассическая коммуникация является коммуникацией нелинейного типа, которая уходит от любых форм тождества. Ее фундаментальная задача - сохранение и удержание сложности и противоречивости мира человека. Она определяется как динамическое состояние бытия, обеспечивающее его содержательный прирост. Формы ее событийности определяются преимущественно в пространстве искусства, истории, культуры.

6. Несущей конструкцией неклассической коммуникации является образ. Его онтологическое место и статус - заданность из иных смысловых перспектив. Это парадоксальное коммуникативное средство, которое носит не служебный характер, а разрастается до размеров собственной онтологии. Его коммуникативная сила заключается не в точности передачи содержания, но в бесконечном самовозрастании и превосхождении себя.

7. Этическая коммуникация является способом проблематизации эстетического сообщения, поэтому она требует искусства и самообладания. Это не мир пустого общего, а правда обстояния существа дела. Этический опыт нуждается в проработке, участии, решимости, рефлексии. Гибкой формой его развертки является эстетическое. Эстетическая коммуникация при этом сохраняет глубокую адекватность напряженной сложности мира, его конкретности, представляя собой не обычное сообщение, а затрагивающее контексты и нетематизированные пространства жизненного мира.

8. Онтологическое пространство коммуникации исторично, оно включает в себя культурно-историческое измерение традиции. При этом традиция понимается не как охранительное и консервирующее начало культуры, а как взаимодействие всех культурно-исторических пластов. Для подобного понимания коммуникации в пространстве традиции актуальна уже не оппозиция традиция - инновация, но действенность - недейственность. Есть то, что подпитывается пространством взаимодействия, совместности, открывающихся смыслов, а потому представляет собой не легковесные предприятия, и есть то, что не жизнеспособно, поскольку не опирается на соответствующие обстоятельст-

ва. Такому культурно-историческому проекту соответствует уже не единое пространство историчности, но множество истоков, единство континуальности и дисконтинуальности.

9. Коммуникативная сила пространства заключается в том, что избываются все возможности бытия в его культурно-историческом измерении. Основа такой коммуникации - наличие культурного архива и ресурсов забвения, дальное действие культурной памяти и возможность живой традиции, ее многообразия и подвижный характер. Коммуникация связана не только с непосредственными контактами, но погружена в пространство взаимодействия, которое действует по принципу дального действия, последействия, запаздывания и отклонения.

Теоретическая, методологическая и практическая значимость исследования определяется его актуальностью и состоит в том, что полученные результаты работы, во-первых, восполняют недостаточную онтологическую проработанность этого конструкта в традиционных областях изучения коммуникации, во-вторых, углубляет и конкретизирует представление о коммуникативной природе современного порядка, что позволяет рефлексировать его сложную природу и выдвигать адекватные этой сложности инструменты его познания и понимания, уходя от логики бинарных оппозиций, в-третьих, данное исследование может быть полезным при разработке конкретных политических, социальных, межкультурных, межэтнических стратегий действия в современном гуманистически ориентированном мире в составе концепций, описывающих многомерность действительности. Основные положения диссертационного исследования могут быть использованы при чтении общих и специальных курсов по философии, культурологии, эстетике, теории коммуникации; для разработок учебно-методического материала по соответствующим разделам учебных курсов.

Апробация работы. Полученные в диссертации результаты были изложены в выступлениях и докладах на: международной научно-практической конференции «Современные коммуникативные практики» (Саратов, 2004), всероссийской научной конференции «Смысл жизни личности в эпоху посткнижной культуры» (Саратов, 2003), международной научно-практической конференции «Культура и искусство Поволжья на рубеже третьего тысячелетия» (Саратов, 2002), всероссийской научно-практической конференции «Педагогика художественного музея и коммуникационные процессы в современном обществе» (Саратов, 2002), международной научной конференции «Социальная память и власть» (Саратов, 2002), всероссийской научной конференции «Жизненный мир философа серебряного века» (Саратов, 2001), межрегиональной научной конференции «Разум. Истина. Человек» (Саратов, 2001), научном семинаре «Мифы и символы региональной идентичности» в рамках работы комиссии по пространственному развитию ПФО (Саратов, 2001), международной конференции «Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли в России» (Санкт-Петербург, 2000), международной научно-методической конференции «Педагогический менеджмент и прогрессивные технологии в образова-

нии (Саратов, сентябрь-октябрь 1997), Втором международном философском симпозиуме, организованном Философским обществом им. С.Л.Франка «Россия и Запад: взаимовлияние идей и исторических судеб» (Саратов, 1997), Всесоюзной научной конференции «Эстетика и искусство в контексте мировой культуры» (Москва, 1989); обсуждались на заседаниях кафедр философии СГУ и ПАГС.

Основные положения диссертации использовались при чтении учебных курсов по культурологии и философии.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав (10 параграфов), заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор и актуальность темы диссертации, показывается степень разработанности проблемы, анализируется методологическая база исследования, формулируется теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «Методологические и теоретические основы исследования онтологии коммуникации» выявляются основные ориентации исследования, обосновывается необходимость и возможность онтологического изменения коммуникации.

В первом параграфе «Теоретико-методологические ориентации исследования неклассической модели коммуникации» выявляется общая теоретико-методологическая база исследования. Несущей конструкцией работы является идея уникальности бытия, которая первоначально формулируется в терминах аристотелевской «этости» как мира конкретных регионов, которые определяются из собственных мест существования. Сущность, по Аристотелю, это всегда определенная вещь, индивидуальное бытие, которое с трудом вписывается в схемы общих классификаций. Рассматривая в этом направлении философскую позицию И. Дунса Скота и М. Хайдеггера, предлагается разворот темы уникальности бытия человека в движении от его конкретного понимания - к сингулярности и событийности.

Конструкт бытийной индивидуальности сохраняет свое значение и в эпоху «постчеловеческого я». Индивидуальность может носить точечный, рассеянный характер, но место стяжения, рефлексии, места ответственности невозможно подменить.

К такой постановке вопроса обязывают особенности современного порядка, который характеризуется множественностью, вариативностью, динамичностью, одновременным со-существованием разных пластов, которые не могут быть приравнены друг к другу.

В этих условиях резко повышается роль коммуникации, которая перестает быть передающим устройством, а становится жизненным фактором реальности. Главная задача коммуникации - не точная передача от источника к потребителю, но «прирост бытия», его «прибыльность» в условиях нетождественного

мира. Линейная коммуникация сменяется нелинейной, многомерной, удерживающей сложность современного порядка.

Выведение бытия из своей потаенности ищет собственный способ раскрытия. Размерностью несоразмерного является художественная коммуникация. Искусство есть возможность пробрасывания, а не насильственного навязывания истин. Опираясь на позицию М.Хайдеггера, формулируются особенности художественной коммуникации как удерживание творением открытости мира, которая поддерживается историческим бытием, делающим раскрытие творения не случайным и не безудержным. Коммуникация выявляется как событие человеческого бытия, сцепленное со всеми культурно-историческими обстоятельствами жизни.

Несущей конструкцией Dasein является образ как свой собственный способ раскрытия бытия. Проигрывая во внешней успешности и эффективности, образ выигрывает в глубине и адекватности «схваченных» реалий. Искусство и сущее не связаны причинными связями: в творении осуществляется преобразование бытия. Делается вывод о том, что такая коммуникация не «закорачивает» бытие, а максимально выявляет его возможности, эстетическое становится упором для глубинной коммуникации, обнаруживающей новые порядки и горизонты.

Описанная ситуация предполагает акцент на иных стратегиях действия и рефлексии. В противоположность постмодернистской подозрительности и недоверию, современные философы формируют новые способы отношения к действительности: *доверие*, уходящее корнями в пространство христианской культуры, «отпускает» на волю бытия его возможности, позволяя его понимать в полной напряженности и остроте, оправданной сокрытости и несоизмеримости единичного и всеобщего. Именно непохожесть на другого, а не то, что составляет с ним общность, является объектом доверия к другому человеку.

Дальнейшее развертывание темы «этости» опирается на гетерологическое и топологическое основания работы. Гетерология фиксирует ситуацию изначальной множественности бытия, топология - внутреннее, качественное состояние удерживания и воспроизводства гетерогенного состояния. В основе такого порядка лежит раскол, разрыв, различие, которые дают силу и способность действия, определяют динамику бытия. Особенно ярко эта тенденция представлена в творчестве М. Бахтина. Безысходность, по Бахтину, есть факт слияния с другим: нумерическое удваивание ни к чему не приводит, существенное обогащение события возможно со стороны *другого*.

В этом измерении коммуникация обозначает не нечто, что собирает что-то в одном, но удерживание сложности при сути качественного разнообразия бытия. Отсюда изменение смысловой направленности коммуникации: она нацелена не на искусственные договоренности, конформистские подпадания под авторитеты, но формирует «самость» (индивидуальность, конкретность) проявления и выявления человеческого бытия.

Во втором параграфе первой главы «Общая характеристика традиционных подходов к изучению темы» дается обзор исследовательских пози-

ций в традиционных сферах ее изучения: кибернетике, лингвистике, семиотике. Обосновывается возможность расширения исследовательского инструментария изучения коммуникации.

Наиболее распространенной моделью коммуникации является математическая модель К. Шекноя. Ее основа - математическая теория связи, а главная задача - точность воспроизведения сообщения. Современные исследования приходят к выводу, что подобная однонаправленная, механическая по своим характеристикам модель нуждается в дополнениях. Коммуникация является не обычным подручным средством сообщения, но выступает смыслообразующим фактором индивида, культуры, социума.

Информационная модель коммуникации весьма значима для лингвистических и семиотических исследований коммуникации. Попытки ее расширения связаны с теорией высказывания, речевых актов, которая учитывает адресность, целостность речевого акта, опираясь, в том числе и на внеязыковые средства. В современных исследованиях проявляется интерес не столько к языку самому по себе, сколько к обстоятельствам, связывающим человека и действительность, к неявным установкам, косвенным формам выражения, прагматическим обстоятельствам. Неклассическая коммуникация в этой связи ориентируется не только на микроанализ взаимодействия, но на средовые, бытийные контексты, раскрывающие многомерность реальности человеческих взаимодействий.

В обобщенном виде «недоумение» семиотической методологии зафиксировал У. Эко: семиотика не может быть одновременно и техникой, и познанием Абсолюта. Представляется, что такой «охранительной и умиротворяющей» техники недостаточно, исследование обязательно будет задействовать всю коммуникативную цепочку, в том числе и возможность вопрошания истока коммуникации. Семиотике, по мнению Г.Л. Тульчинского, также необходим переход от двухмерного, плоскостного рассмотрения действительности — к стереометрическому, дающему ей дополнительные измерения. Здесь собственно открывается пространство для герменевтики, экзистенциализма, для фундаментальных исследований коммуникации.

Коммуникация, с точки зрения экзистенциализма, проблемна: индивидуальность в своей уникальности не сообщается, поэтому экзистенция ищет особых форм выражения, не принятых в обычных информационно-обменных процедурах: искусство, шифры, косвенные формы сообщения, предполагающие двойную рефлексю. Коммуникация в обозначенной традиции исторична, она проявляется в совместном культурно-историческом пространстве, однако, это не означает «впянности» человека в исток: в историческом понимании отсутствует постоянный масштаб.

Линию онтологического исследования коммуникации отчетливо проводит герменевтика. Ее установки на вопрошание, на обладание нужной широтой исторического горизонта и его разомкнутость, на охранение в нем существующего в истинных пропорциях, нацеленность на процессуальность понимания, признание инаковости другого - приобретения, которые помогают осознать бытийственный характер коммуникации.

Опираясь на идеи Г.-Г. Гадамера, можно констатировать, что язык, жизненный мир, подвижный горизонт являются фундаментальными обстоятельствами коммуникации. Встреча - определяющая вещь для понимания герменевтического опыта в коммуникативном разрезе, которая позволяет избежать предустановлений и искусственных порядков. Встреча с произведением искусства, с незамкнутым событием, которое выявляет то, что есть, извлекая суть. Коммуникация в этой сфере обеспечивается приростом бытия как сотворением, преобразованием действительности, сплавленной со способами ее понимания. Такое «сообщение» свободно от психологических транспозиций понимания, поскольку дело выводится к глубокому историко-герменевтическому обоснованию.

Примыкают к описанным исследованиям проблематика коммуникации как общения. В отечественной традиции, которая тяготеет к проблематике общения, а не коммуникации, Г.Г. Багищев реализует направление от информационно-инструментальной парадигмы к экзистенциальным характеристикам общения. Общение, рассматривается отечественным философом как состояние творчества, связанное с взаимной причастностью жизни ко всему сущему. Полифонические отношения созидательны, незамкнуты, открыты. Г.Г. Багищев разводит гармоническую и органическую формы единства, полагая, что последняя предполагает снятие (монологику), а вторая сохраняет и развивает в себе большее своеобразие, поскольку каждое содержание обладает собственной мерой, сущностью, бесконечной потенцией.

Представляется, что общительность, опирающаяся на диалоговую структуру, имеет в качестве своей основы модель непосредственного общения, разговора собеседников. Проблемное поле расширяет тематические рамки общительности, позволяя исследовать пространство методологии, опираясь на большие массивы онтологических порядков.

Во второй главе «Преодоление классической модели коммуникации» выявляются и анализируются разные модели коммуникативных порядков, которые разрешаются неклассической моделью. Основа этой типологии - способы сохранения и воспроизводства гетерогенного состояния. Традиционный порядок, и соответствующий тип коммуникации обращен к непрерывности, последовательности воспроизводства образца. Нетрадиционный - культивирует событийность, прерывность собственных практик, которые не связаны жесткими причинно-следственными связями с глубинными структурами. Между этими полюсами рельефно выраженных типов располагается множество смешанных форм, которая объединяют в себе разные начала, так софийная модель является модификацией классического коммуникативного порядка на русской почве.

В первом параграфе второй главы «Коммуникативный порядок в классической западной философской традиции» рассматриваемый тип классической коммуникации определяется как линейный. Он стремится к адекватной передаче образца. Его логика носит однонаправленный характер, поскольку существуют структуры, удваивающие Единое в последующих формах, тем са-

мым предопределяя их. Обратная связь существует, но носит избирательный и асимметричный характер и улавливает не особенности индивидуального, а способности постижения Единого. Адекватный фон для подобного порядка - субстанционально-акцидентальный.

Подобная ситуация порождена особым состоянием традиционного знания — созерцательностью. Мир сверхчувственный ищет основание в самом себе. Вечная действительность - это идеальная форма, которая мыслит самое себя, то есть обладает всей полнотой жизненных характеристик. «Койнония», высший род коммуникации, общение блаженных родов бытия - вид такого божественного созерцания, взгляда божества на мир, который объемлется им в одно мгновение. Вещи в рамках такого порядка не конструируются, а отражаются. Порядок целого, рассмотренного на примере античного космоса - это бытие, которое не уклоняется в сторону иного, а лишь возвращается к самому себе.

Из подобного представления об устройстве античного космоса вытекает и соответствующая гносеология. Бессмертная душа напоминает, что она забыла в мире высших идей. Весь платоновский космос выстраивается по принципу причастности Единому. Это собственно и есть структура выражения, которая строится на оппозиции сущность-явление, внутреннее-внешнее, подлинное-неподлинное. Космос самодостаточен, поскольку всей своей организацией он выражает Единое. Космос - знак, который никуда не отсылает, а показывает на самого себя.

За коммуникацией в этом фундаментальном смысле стоит ненаделенность всей полнотой бытия, которая превращает коммуникацию в чередование знания и незнания, бытия и небытия. Эти идеи иллюстрируются на примере субстанционального порядка неоплатонической философии, которая в чистом виде обнаруживает способ постижения античного бытия как теорию. В рамках такого порядка происходит «выпрямление» реальности, которая вносится в размеченную силу Единого. Ведь каждая сущность, по Плотину, утверждается на собственной почве и всегда встречает саму себя (бытие - след Единого). Основа подобной коммуникации в культурно-историческом плане - мифориторическая культура античности, предполагающая единство слова, знания и морали, сплавляющая воедино культурный опыт в практике «готового слова».

Проблематика онтологии коммуникации как связь или обособление возможна в ситуации распада традиционных субстанциональных монолитов. Неклассическая философия обосновывает мир как взаимодействие не опосредованных, а различительных начал, преодолевая тем самым парадигму классического порядка.

Во втором параграфе второй главы «Русская софиология в свете коммуникативной модели» раскрываются особенности коммуникативного порядка на примере русской софиологии, особенностями которой являются выраженный эстетизм, софийное мироощущение, выдвижение в сферу общительности Бога, природы, человека, поскольку София причастна и божественной, и внебожественной жизни, она - испытательница разных возможностей бытия. Ее тяготение к конкретности, воплощенности в художественном материале — осо-

бый момент состояния множества в единстве. Важно подчеркнуть, что в отличие от соответствующих гностических представлений отечественная традиция не противопоставляла творение Творцу, а стремилась к единению с Абсолютом, сохраняя оптимистический взгляд на природу творения. Через красоту, добро и истину открывалась божественная полнота мира, который в своей сверхчувственной реальности сохранял нередуцированную до абстрактных принципов содержательность бытия, что вполне соответствовало христианской парадигме со-пряженности человека и абсолюта. Такую логику исследователи называют органической, она стоит на принципах положительного, конкретного первоначала, которое действительно, а не «выращивается» в сфере абстрактного мышления. Сохраняя жизненность явлений, с одной стороны, а с другой - не бессмысленность их существования в рамках философии всеединства, подобный коммуникативный порядок как бы задерживается на промежуточных ступенях, не «проскакивая» их безразлично, соединяя в себе идеи западного иерархического дискурса и конкретное персональное представление о всеединстве в рамках отечественной традиции. Такое понимание, конечно, тяготеет к классическим формам: индивидуальное может быть спасено только при наличии общей основы, но рассмотрение действительности не только с точки зрения познания (гносеологическая, теоретическая модель античности), но и, с точки зрения существования, является показателем не пассивного преинства высоких сфер. Общая задача сохранения соразмерности мира, его характеристика как другого, а не чужого, то есть проявленного по законам дружбы и любви рождает коммуникативное измерение бытия. Готовое понимание не вкладывается в выражаемое, но держится перекрестной активностью и динамизмом бытийных структур.

В борьбе против абстрактных и мертвых начал русская софиология создает жизненную ткань, где логическое и систематическое уживается с личным отношением к бытию. Образ Софии связан со всем строем русской культуры, которая так или иначе, отражает переживания существа, в котором духовность оборачивается материальностью, а материальная сила позволяет сбываться духовному смыслу.

Для понимания Софии В.Соловьевым характерно обращение не только к категориальным конструктам, но и к личностным смыслам. По мнению многих исследователей, эта тема - центральная в его творчестве. Для Софии Соловьева важен момент воплощенности и осуществленностиTM по отношению к умопостигаемым сущностям, лишенным действительности. София - двойственное существо, которое включает в себя и тварное, и Божественное начало. Только претерпев различенность, можно приобрести свободу и творчество. София у русского философа тесно связана с эстетическим опытом, искусством, теургическим началом культуры.

Софиологические представления С. Булгакова - зрелое состояние этого учения, связанные и с богословской, и философской проблематикой. Софиология рассматривает проблему взаимоотношений Бога и человека. Софию нельзя мыслить только как идеальное представление, лишенное жизненной конкретности.

сти и силы бытия. София - начало новой тварной многоипостасности, возможность мира в его конкретности и многообразии. София есть динамическое состояние бытия в его приближенности к божественной полноте. Отсюда антинормичность, трагедийность бытия, которое не упускает из виду собственные возможности. Также как и у В.Соловьева, философом ярко представлена линия воплощения Софии в искусстве.

София у П. Флоренского - корень целокупной твари, живое единство мира, тайна природного бытия. София - источник промыслительной деятельности по отношению к разным ипостасям. Конечным ее определением является красота как существенность и определенность твари. Доказательством серьезности намерений эстетического является сравнение взглядов П. Флоренского и И. Канта, которые, по сути, приходят к одному выводу о том, что красота является не причиной, а основанием мира.

В третьем параграфе второй главы «Неклассическая модель коммуникации» дается характеристика неклассической коммуникации, которая имеет иное смысловое наполнение, чем классическая. Возможности анализа коммуникации в онтологическом измерении ограничены в философии тождества: мы познаем и сообщаем актуализированный Абсолют, открывая его как предвечное Единое. Если в классической коммуникации речь шла об адекватной трансляции, передаче первоисточника всем последующим инстанциям, то неклассическая делает акцент на трансформации, сдвиге, смещении, коммуникацию невозможно отделить от процесса означивания и процесса передачи. Это не механика взаимодействия, а химия сплавленных с процессом означивания процессов. Такая коммуникация не линейна, а прерывна и многомерна. Она перестает быть нейтральной, прозрачной, то есть подручным передающим средством: процесс означивания становится самодостаточным. Коммуникация осуществляется в асистематических пространствах, которые всегда избыточны и готовы к выходу за пределы наличного. Это уже не классическое выражение, где одна сторона выражает другую, а семантическое систематическое несоответствие знака и референта, складывающееся в силовое поле отсылок и разнесений. Коммуникация перестает быть точечным актом передачи чего-либо, а становится пространством размещения, где присутствующая реальность уже всегда разнесена.

Новое понимание коммуникации демонстрирует Ж.-Ф. Лиотар. Он критикует метафизические дискурсы, предлагает коммуникацию не как одностороннюю передачу информации, манипуляцию или свободное диалогическое отношение: каждый языковой партнер, получая информацию, подвергается перемещению, изменению самого разного рода. Это «сетчатая» структура, где каждый коммуникант располагается на узлах линии коммуникации.

Внутренний опыт и коммуникация его в пространство - главная тема творчества Ж. Батая. Опыт обращен к более древним структурам человеческого существования, которым в большей полноте открывается бытие как непостижимая глубина, которая со своим прошлым и настоящим обнаруживается в человеке. «Сильное сообщение» - это не информационная сводка новостей, но

жизнь и знание, непрестанное брожение возможного и невозможного. Сообщение должно соответствовать силе внутреннего порыва, поэтому только край возможного может предоставить всю полноту бытия. В этом смысле диалог есть самообольщение: существование сообщается, выходя за свои пределы. Такая коммуникация борется не за успешность предприятия, а за глубину восстановленных событий. Она драматична, чувственна, парадоксальна, располагает чаще несловесным уровнем существования мира. Ее нерв - невозможность и возможность существования в передающем опыте.

В философии Ж. Деррида коммуникация может быть представлена в узком и широком смыслах. В узком (процедурном) смысле под концептом коммуникации понимается знаковый акт передачи. Деррида подвергает сомнению прежний семиологический проект знака. Коммуникация - это текстовая ткань различий, рождающая места взаимных уплотнений, всегда помеченные взаимными отпечатками. Такая коммуникация не линейна, она не движется по кругу, сохраняя нередуцируемую и генеративную сложность.

В широком смысле - коммуникация есть письмо, движение в сфере различения, пространство, горизонт распределения знаков. Оно задает динамику знаковой функции, но само не может быть дано в феноменальном опыте наличия. Целое всегда пронизано нехваткой, поэтому оно нуждается в притоке дополнительных значений. Восполнение нельзя мыслить по принципу существенных связей - это то, что проступает в результате многочисленных различений. Письмо есть не память, а забвение, как выход за пределы логоса. Онтология коммуникации оборачивается коммуникативной онтологией.

Измерение коммуникации Ж. Делезом осуществляется в терминах серийности, сингулярности, событийности. Условия осуществления коммуникации - это несовозможность, рассеивание, расхождение. Неклассический порядок формулируется как утверждение всех шансов бытия в уникальном событии, в котором все события коммуницируют друг с другом. Делается вывод о топологическом измерении коммуникации, которая представляет пространство взаимодействующих сингулярностей; об особенностях неклассической коммуникации, которая недоверчива в отношении поверхностных консенсусных форм и обретает силу и самостоятельность в пространстве бесконечного несовпадения.

В третьей главе «Основные измерения неклассической модели коммуникации» обосновывается возможность топологического исследования коммуникации, которой даются эстетические и этические характеристики.

В первом параграфе третьей главы «Пространство как несущее основание коммуникации» рассматриваются фундаментальные условия воспроизводства гетерогенного состояния бытия. Эти размышления актуализируются на фоне современной критики мимесисных структур. Топологическая рефлексия отказывается от требований трансцендентального субъекта, который существует в одном измерении. В зоне пространства феноменология начинает рефлексировать собственные границы.

Пространство, исходя из этимологических значений, высвобождает места для сакральных объектов, его изначальные смыслы можно свести к двум ос-

новным значениям: вмещение в смысле удерживания и уход как предоставление разноречивого. Пространственная конфигурация позволяет сохранять логику опыта сущего при своем деле. Изначальный акт полагания бытия в пространственном измерении и предполагает встречу (существование разных логик), сообщение (укорененность в месте), показ (телесное воплощение истины как произведения), простираение (высвобождение мест).

Именно топология инициирует исследования в области интерсубъективности, гетерогенности, проблематики Другого. Пространство является неким неосваиваемым пределом, нетематизированным основанием, удерживающим разные смыслы. Топологию трудно сформулировать в терминах творения, начала, основания. В одном из поздних докладов М. Хайдеггер признается, что попытка, сделанная в «Бытии и времени», свести пространственность здесь-бытия к временности не удалась. Все настойчивее о пространственных конструктах будет говорить поздний М. Хайдеггер. Его знаменитая четверица, соединяющая небо и землю, божества и смертных - пространство, дающее живущим волю и простор в их изначальном единстве и взаимопринадлежности. Показательны размышления философа и в отношении связи искусства и пространства: пространство таит в себе событие, которое выявляется через место и произведение.

В классическом варианте топология вмещает проблематику «внутреннее-внешнее». Традиционно внутреннее связывалось с временным измерением, с формированием новоевропейской субъективности, с конструированием мира сущего, исходя из собственной меры, такое существо прозрачно для самого себя, временная субъективность поглощает все и из всего делает собственный объект. Внешнее же (тело, обладающее протяжением) пребывает только в другом и не может быть понято достоверно. Эту традицию продолжает и Кант, рассматривая пространство и время как соответственно форму внешнего и внутреннего чувственного наглядного представления. Не случайно, что выход за пределы отдельного сознания осуществляется уже на путях анализа телесного опыта. Тело оказывается пространственным связующим пунктом воспринимающего субъекта. Другой, чужой остается проблемой о рамках отдельного сознания. Особенно рельефно эта проблема представлена в творчестве Ж.-Л. Нанси, который полагал, что существование невозможно присвоить. Пространство сохраняет дистанцию, но такая логика уже не является логикой чистого внешнего. Эта логика сингулярностей, которая представляет собой обращенность, не имеющую сущности. Это бытие-в-месте, высказывание как выказывание, опространствование смысла. В обоснованиях Б. Вальденфельсом респонсивной феноменологии чужой и его логика - это логика сингулярностей, событий, процессов, где только и возможно обнаружение радикально иного. Процесс ответа всегда начинается в другом месте.

Попытка дать интерсубъективное измерение принадлежит и позднему Э. Гуссерлю. Он рассматривает пространство духовности, активности, традиции. В этом пространстве становятся доступными частные смыслы, которые утрачивают качества психичности. Пространство в акте повторного воспоминания

удерживает прошлое. Историчность как соответствующий горизонт современности хранит осевшие смыслы, а традирующая активность производит новые смысловые образования в едином пространстве культурного мира.

Постулирование порядка может обретать формы философии, которая формирует гомогенное пространство субъекта, либо вырабатывать стратегии формирования и охранения гетерогенных объектов. Пространство является тем конструктом, который несет дополнительные смыслы коммуникации, расширяя ее понимание до онтологических горизонтов тела, искусства, истории, являясь в современной философии несущим основанием реальности, где возможен другой.

Во втором параграфе третьей главы «Коммуникативное измерение образа» образ рассматривается как многомерное образование, связанное с эстетическим опытом человека как пластичного «улавливания» динамики действительности. Характеристики эстетического служат не только средством выражения самой реальности, но и производят ее в конкретных точках художественного пространства, вводя коммуникацию в онтологическое измерение.

Образ относится к парадоксальным коммуникативным средствам: он не служебен, а самодостаточен, избыточен, поскольку имеет внутри себя поле неопределенных возможностей и предполагает передачу не строго фиксированного объема информации, но спонтанно самовозрастающего, непреднамеренного (сфера неявного знания). Содержание образа связано с другими не по принципу причинной связи, но по принципу отклика, ему не присуща жесткая закреплённость. Г. Башляр указывает на онтологию образа, выводя его из-под власти психологических, психоаналитических и критических интерпретаций.

Пространственное измерение образа схватывает его многомерность. Известно, что И. Кант в параграфе о схематизме чистых понятий рассуждал рассматривал схемы, а не образы в качестве основы чистых чувственных понятий. Образ, по Канту, продукт эмпирической способности продуктивной силы воображения. Важно зафиксировать сопротивляемость образа с точки зрения вписываемости его в логические схемы. Э. Гуссерль также писал об односторонних проекциях физической вещи, ее пространственный облик может быть получен лишь в односторонних проекциях. Вещное не может быть дано сразу, это пошаговая презентация рассматриваемых сущностей. Действительно, идея соответствия мысли и вещи возможна лишь в гомогенной сфере. Образ же указывает на нечто, лежащее за пределом, что может быть достигнуто только как бы из самого дающего содержания. Образные (пространственные) референции включают ориентации на Другого, не являясь процедурой самоаффирмации. Их представленности анализируются на материале зрительных восприятий. В конечном итоге образы всегда отсылают к месту видимости, полю и границе того, что объективируется. Другое дело, что образ, как и любое современное идеально-предметное образование, нуждается в дополнительной проработке со стороны человека и культуры.

Действительно, образ, в отличие от других семиотических концептов (символ, знак, метафора), больше ориентирован на предметный смысл, он бли-

же миру. Уже на ранних этапах своего становления источником мифологической образности выступала идея несовпадения, двойственности, избыточности содержания по отношению к простым вещам. Неопределенность символического содержания образа, его возможность достройки, интерпретации, многозначность - неотъемлемая черта его жизненности. В этом ускользании от собственных характеристик - точка стяжения классической и неклассической теории образа. Если первая обращена к презентативным структурам действительности, то неклассическая - к представлениям, которые «убегают» от собственной адекватности.

Важно подчеркнуть, что образ в онтологическом измерении коммуникации не просто отражает некую реальность, а выстаивает в собственном существе, встречается с нами, замечается. Предшествующие теории искусства разрывали, как правило, содержание и форму художественного произведения. Опираясь на интерпретацию М. Хайдеггера, образ может полагаться как пространство, которое властно захватывает человека: вступив в этот круг бытия, человек может преодолеть бесконечную *повторяемость* мира и выйти на иной уровень его осмысления. Завершается анализ образа исследованием потенциала аллегорических конструкторов.

В третьем параграфе третьей главы «К возможности коммуникации этического» исследуется проблема этического как проблема сохранения конкретности человеческого бытия в его глубокой адекватности существующей жизненной сложности. Представляется, что эстетическую ткань можно рассматривать как пластичный способ разверстки этического, эстетическое ближе миру поступка, чем другие миры. Эстетическое действует изнутри этоса, устанавливая возможности существования и со-существования, а этическое его проблематизирует.

Этическое рассматривается как особое состояние напряженности бытия. Оно сплавлено с жизненным опытом индивида, не выступает в качестве абстрактных норм и адаптировано к человеку и его окружению. Первоначально этос обозначал местопребывание и жилище, которое позволяет явиться человеку в его существе. Этот смысл этического опирается на древнее космически-божественное понимание человеческого бытия и его окружения (античная калокагатия), когда возобновляются все связи с сущим, с конкретными обстоятельствами жизни.

Проблемность трансляции этического задается размышлениями С. Кьеркегора. Рассеиванию человеческой природы противопоставляется путь сосредоточения, собирания, экзистенции. В этом контексте сообщение внутреннего всегда проблемно, оно выходит в сферу всеобщего, одновременно упуская из виду конкретность этической действительности. Рефлексия внутреннего есть двойная рефлексия. Объективное мышление, связанное с прямой формой сообщения, предполагает результат, завершенность, достоверность, у него нет искусства и обманчивости двойной рефлексии. Субъективное же мышление есть мышление становящееся, оно не результативно, негативно и претендует на внутреннюю достоверность. Кьеркегор отличает форму сообщения от выраже-

ния сообщения. Лишь второе есть собственное отношение к идее, поскольку связано с личной позицией. Экзистенциальное сообщение требует искусства и самообладания. Самообладание необходимо для сосредоточенности на себе, а искусство - для интерпретации сообщений. Истина, по Кьеркегору, не может сообщаться прямо, это тайна, она требует косвенного сообщения, поэтому мы должны верить другому, хотя это и невозможно: другой является всегда только возможностью.

Сходные мотивы усматриваются в философии Л. Витгенштейна. За пределы мира философ выносит этические, эстетические и религиозные сообщения, высшее не выразить предложением, этика не поддается сказыванию. Этическая реальность начинается тогда, когда происходит выпадение из обычного языкового пространства, она нуждается в метавысказываниях, выходящих за пределы наличности. Этическое сообщение шире обычного языкового фактического, так как этика связана со смыслом мира. Невысказываемое показывает себя, обнаруживая несоразмеримость разных порядков мира.

Этическая позиция связана с «владычественной правотой пребывания», когда каждое сущее обнаруживает собственную логику существования. Ее воплощает напряженная жизнь художественного произведения. Уже в основе творения, по М. Хайдеггеру, заложен разрыв, напряженность, внутренний трагизм жизни. Человек держится при сути напряженным проживанием совместного культурно-исторического пространства, его стояние «при...» способствует выявлению события бытия.

Творение не существует в искусственном мире, оно пребывает в живой культурной среде, дает место, с которого даруется спасительный взгляд на себя. Такое произведение - не простая наличность, она присуща бытию в его историческом существовании, вот почему прошлое парадоксально обнаруживается впереди нас. Продолжает ли быть искусство таким истоком и сейчас? Если оно действительно, то есть поддерживается всеми способами своего становления в истории, а не является сфабрикованным, сиюминутным предприятием.

Историчность экзистенции подчеркивал и К. Ясперс. Она дает каждому собственное место, благодаря чему коммуникация наполняется конкретным смыслом. История не завершена, она является не мертвым образованием, а со-осуществленностью собственной экзистенции. Она помогает понять истину, не подводя ее окончательно под наше видение.

Эстетическое, по М. Бахтину, не может быть изолировано в отдельную сферу человеческой жизни. Оно представляет момент живой событийности бытия. Через его конкретность и эмоционально волевой тон приходим к пониманию строения действительного мира события. Мир культуры и мир жизни объединяются в событии этическом, поступке, который жив участно-действенным переживанием. Событие никогда не равно себе, его невозможно помыслить, можно лишь пережить. Только отсюда можно выйти к правде взаимоотношений с другим, которая возникает как цвет, тон и тело события, фактическая событийность. Для его выражения подключаются все инстанции понятийного и художественного мышления.

Привлекая философские размышления М. Бланшо и Ж. Бодрийяра, формулируются альтернативы легкой размножимости и прозрачности эстетической ткани культуры. Они обнаруживаются в сфере не служебных характеристик мира, человеческого участия, в зоне риска и предельных смыслов. В заключении параграфа делается вывод о прерывном характере этической коммуникации, которая ориентируется в единственной конкретности бытия, в его реальной полноте и жизненности, оправдывая тем самым эстетическое.

В четвертой главе «Культурно-историческое измерение коммуникации» определяются позиции в отношении существа культурно-исторического бытия традиции, которая анализируется как создание и удерживание континуума истории в условиях его реальной дискретности в пространстве «избывания» всех возможностей бытия, где представлены большие культурно-исторические массивы.

В первом параграфе четвертой главы «Коммуникация как традиция» традиция понимается как наступающая полоса взаимодействия с современностью. Статус современности определяется как вечное забегание вперед или назад, смыслы же культуры и истории «ткуются» из основы, поставляемой нелинейной (пространственной) концепцией времени. Коммуникация характеризуется как сам способ, характер наследования материала, правила его извлечения и подачи.

Положительность традиции впервые продемонстрировали романтики. Искусство, исходя из их представлений, собирает мир в фокусе современности. В нетворческом воспоминании нет самости, оно всегда точно следует прошлому, тогда как творчество всегда создает сплав самости и истории. Подлинное современное не замыкает себя в рамках действительности, подпадая под власть моды и момента, это не руины разрушенного человечества, не подражание внешним формам, не культивирование собственных состояний, но полная усвоенность духа, воссоздающая правду события.

Традиция в герменевтической философии Г.-Г. Гадамера и есть сам познаваемый в коммуникативном опыте мир, конструкция опыта как открытая задача, позволяющая присутствовать при самом бытии. Он прокладывает себе путь через язык как истолкованность мира. Мы всегда находимся внутри предания, и оно не является для нас абсолютно чужим, а так или иначе обращено к нам. Горизонт исторического сознания подвижен, раз и навсегда не определен, не замкнут в своем свершении. Традиция, как встреча с инаковостью, делает герменевтический опыт возможным в акте «действенной истории». Преобразование и сохранение живой традиции Гадамер доказывает опытом искусства.

П. Рикер, определяя моменты действенности истории, также связывает их с творческим воссозданием прошлого, которое не обозначает повтора, реанимации, но восстановление живого. Напряженность между действенностью прошлого, которое мы претерпеваем и восприятием прошлого, которое мы совершаем, образует диалектическое отношение опыта. Феномен традиции, по Рикеру, обозначает, что временное расстояние не является мертвым интервалом, а есть передача, воспроизводящая смысл. Если след существует как чистая

отсылка к прошедшему времени, то традиция фиксирует внимание на нашей привязанности к прошлому, которое мы не завершили. В отличие от романтической трактовки истории герменевтика вводит представление о действительности истории (не беспрепятственная коммуникация с прошлым). Традиция не закрывает, а открывает смыслы.

Подобные вещи переключаются по своим внутренним характеристикам с пониманием традиции в большой религиозной культуре. Другое дело, что такая традиция предполагает отношения только внутри церкви. В этом же направлении рассуждали отечественные мыслители П. Флоренский, С. Булгаков. П. Флоренский писал о культе, который не является случайным проявлением действительности. Всякий смысл должен уметь реализовываться: что бессильно, то и неистинно. Традиция «выбирает» масштаб рассмотрения событий.

Движение традиции - это генеалогический поиск смыслов, очищение от случайных наслоений, проверка на жизнеспособность, творчество. О неоднозначной связи между прошлым и будущим писал Ф. Ницше. История - не слаженный компромисс, но арена борьбы, которая предполагает множественность центров волений. Генеалогия для Ницше не является последовательностью событийного ряда, но пересечением разных областей, поскольку история ориентируется не на застывшую научность, но на динамические силы жизни. Смысл нельзя оборвать в угоду сложившейся полезности, он связан с множеством оснований.

История дается существу деятельному, активному, который умеет не только помнить, но и забывать. Творчество - это перерыв исторической принудительности, выход из рабства чужих слов и мнений. Лекарством, излечивающим историческую болезнь, Ницше считал религию и искусство. Только заглушив мнимые пропорции, установив истинные масштабы исторического события, можно говорить о коммуникации прошлого и настоящего.

Генеалогия М. Фуко допускает бесчисленность начал, множество утраченных событий, игру. Прямолинейно развертываемой истории автор противопоставляет чередование континуальностей и разрывов, всю сложную нить происхождения как удерживание разрозненной событийности, поскольку в начале обнаруживаются несоответствия и отклонения. Структура наследия многослойна, нестабильна, она дробит то, что казалось единым. История будет действительной в той мере, по М. Фуко, в какой она вносит в бытие прерывность, освобождая живые силы истории. История как текст не может быть заключена в жесткие рамки, она развертывает дисперсии различия, сохраняя для каждой вещи ее меру и интенсивность.

Современная философия обострила внимание к проблеме представленности прошлого в настоящем. Фокус исследовательского интереса обнаруживается не в интерпретации самого прошлого, а в зоне несовместимостей настоящего и прошлого. Пример такого парадоксального пространства личного опыта - ностальгия. Она принимает форму события, где прошлое не является просто внешней реальностью. Коммуникация актуализирует исторический опыт, который не становится и чистой презентацией (осовремениванием), и архаизацией

настоящего момента. Суть коммуникации в культурно-историческом измерении заключается в динамическом понимании культуры и истории, в действительности исторической действительности, которая удерживает сложный состав «полноты времен».

Во втором параграфе четвертой главы «Сила коммуникативного пространства» обосновывается идея коммуникативного дальнего действия в пространстве не только фактических, наличных данных, но потенциальных взаимодействий. Чем плотнее в культурно-историческом отношении история, тем больше возможностей у коммуникации. Традиция в этих условиях приобретает характеристики подвижности, размытости, вариативности, неустойчивости. Опираясь на феноменологию, герменевтику, постмодернизм, сформулированы исходные позиции исследования в виде реалий жизненного мира, мира культуры и традиции, в котором схватывается какое-то сущее, остальной же горизонт остается нетематизированным, предоставляя возможности для собственного раскрытия: человечество находится только на пути к самому себе. Виртуальный опыт всегда избыточен, идеален, связан с языком (миром), который шире непосредственного контакта. Синхронной коммуникации недостаточно, чтобы придать предметностям пожизненное и устойчивое бытие. Опыт содержит постоянные отсылки к скрытым перво-очевидностям. Сама жизнь, история, настоящее определяются как пространство дальнего действия, весь массив текстов культуры. Семиотическое пространство Ю.М. Лотман связывает с залом музея, где одновременно представлены экспонаты разных эпох, имеется доступ к этим экспонатам, и все это находится в динамическом движении друг относительно друга.

Коммуникация возможна в отсутствии непосредственного наличия участников. Можно говорить о возрастании отсутствия вдоль всей цепочки памяти (П. Рикер). «Удержание» становится интенсивной операцией современной культуры. Архив культуры и есть пространство возможностей для осуществления работы традиции. В онтологическом смысле - это не тематизированный мир человеческой культуры, который действует на расстоянии. Наряду с культурной памятью должна существовать и обратная процедура — забвение, позволяющая уходить от прямого ответа, скрываться, уклоняться, отсылать, создавая *многомерную ткань культурного опыта*.

Современность размывает четкие, жесткие контуры наличности, она держится натяжением, эластичностью собственного дискурса, снимаются рамки для проявления свободной и открытой индивидуальности бытия. Привлечение философской позиции П. Бурдьё связано с возможностью подтверждения видения социальной реальности как сети невидимых связей, складывающихся в силовые поля взаимодействий. Это пространство многомерно, видимые очертания ему придают переходы и напряжения существующих расстановок сил. Сходные идеи высказывал и немецкий исследователь Н. Элиас. Социальная реальность представляет собой ткань, сложное переплетение видов и форм деятельности. Такая ткань не есть творение отдельных индивидов, но эффект, возникающий от фигур взаимодействия, придающий реальности совокупный, долгосрочный

характер. Внутри переплетения этих зависимостей постоянно открываются пространства для индивидуальных решений.

В Заключении излагаются обобщающие итоги диссертационной работы, намечаются перспективы исследования.

Содержание диссертации нашло отражение в следующих публикациях:

1. Костина О.В. Онтология коммуникации. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. 156с. Монография.
2. Костина О.В. О посредничестве//Труды молодых ученых Поволжского кадрового центра. Вып. 1. Саратов: Изд-во ПКЦ, 1995. С.55-58.
3. Костина О.В. Символические универсумы Э.Кассирера и П.Флоренского//Труды молодых ученых Поволжской академии государственной службы. Вып. 2. Саратов: Изд-во ПАГС, 1995. С.72-76.
4. Костина О.В. Культура как воспоминание//Актуальные вопросы научных исследований: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратовского гос. технического ун-та, 1997. С. 146.
5. Костина О.В. Философские смыслы отрешенностиУ/Россия и Запад: Взаимовлияние идей и исторических судеб: Сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратовского гос. технического ун-та, 1997. С.32-34.
6. Костина О.В. Культурные практики сквозь призму образования/ЯТпедагогический менеджмент и прогрессивные технологии в образовании: Сб. науч. тр. в 2т. Т.1.Саратов: Изд-во Поволж. фил. Рос. учебн. центра, 1997. С.20-21.
7. Костина О.В. Миф как актуальность культуры//Человек. Культура. История. Философский альманах №2. Миф в культуре и истории человечества. Саратов: Изд-во Поволжской академии государственной службы, 1999. С.208-214.
8. Костина О.В. Акме как принцип творческого бытия в неоплатонизме//Вопросы акмеологии. Вып. 5.Саратов: Изд-во Саратовского педагогического ин-та, 2000. С. 194-196.
9. Костина О.В. Символическое в философии культуры П.Флоренского//Verbum. Вып. 3. Византийской богословие и традиции религиозно-философской мысли в России. Альманах центра изучения средневековой культуры при философском факультете Санкт-Петербургского гос. ун-та. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000. С.357-358.
- Ю.Костина О.В. Коммуникативные возможности культуры//Разум и культура: Сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Поволж. межрегион, учеб. центра, 2001.49-52.
11. Костина О.В. Сообщительность бытия и бытийственность сообщения (эстетическое измерение коммуникации)//Методология, теория и история культуры и искусства: Межвуз. сб. науч. ст. Саратов: Изд-во Саратовской консерватории, 2002. С. 114-118.

12. Костина О.В. Стратегии формы в пространстве современной культуры//Человек. История. Культура: Исторический и философский альманах. Саратов: ПАГС, 2002. №1. С. 173-176.
13. Костина О.В. Эстетическое измерение коммуникации//Философия, культура и современность: Сб. науч. трудов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. С. 128-132.
- Н. Костина О.В., Костин М.В. К методологии исследования личности (историко-философский аспект)//Социокультурные аспекты взаимодействия личности в современном мире: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во «Надежда», 2002. С.88-96.
15. Костина О.В. Коммуникативные возможности мифологического образа//Человек. История. Культура: Исторический и философский альманах. Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2003. №2. СЛ16-121.
16. Костина О.В. К аналитике движения вещей в культуре/УСмысл жизни личности в эпоху посткнижной культуры: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. С.204-207.
- П. Костина О.В., Костин М.В. Некоторые особенности современного философского дискурса//Социокультурные аспекты взаимодействия личности в современном мире: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во «Надежда», 2003. С.64-68.
18. Костина О.В. Эстетическое в философии И. Канта и П. Флоренского//Жизненный мир философа «серебряного века»: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. С. 194-199.
19. Костина О.В. Коммуникативный порядок в классической западной философской традиции//Вестник Московского гос. ун-та культуры и искусств. Вып.1. М.: МГУКИ, 2003. С.69-74.
20. Костина О.В. Русская софиология в коммуникативном измерении//Социально-гуманитарные знания. 2003. №4. С.257-271.
21. Костина О.В. Теоретико-методологические ориентации исследования коммуникации//Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. 2004. №2. Вып.2.С.49-51.
22. Костина О.В. Коммуникативное измерение образа//Современные коммуникативные практики: Сб. науч. ст. Саратов: ООО Изд-во «Научная книга», 2004. С. 104-114.
23. Костина О.В. К возможности коммуникации этического//Философия, человек, цивилизация: новые горизонты XXI века. Саратов: ООО Изд-во "Научная книга", 2004. Ч. 2. С. 171-176.
24. Костина О.В. Пространство как несущее основание коммуникации//Человек. История. Культура: Исторический и философский альманах. Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2004. С. 35-40.
25. Костина О.В. Культурно-историческое измерение коммуникации. Саратов: Изд-во "Научная книга", 2004.50с.

Подписано в печать 15.11.2004 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Объем 2,0 усл.печ.л. Тираж 100 экз. Заказ 144.

Типография АВП «Саратовский источник»
Лиц. ПД № 7-0014 от 29 мая 2000 г.
г. Саратов, ул. Университетская, 42, оф. 22.
т. 52-05-93

22 ФЕВ 2005

